

Татьяна Нешумова

СЧАСТЛИВАЯ ТВОЯ ВНУКА

Татьяна Нешумова

СЧАСТЛИВАЯ ТВОЯ ВНУКА

стихи 2005–2009

АРГО-РИСК
Книжное обозрение
2010

ББК 84.Р7-5

Н 59

Дизайн Илья Бернштейн

В оформлении обложки
использован эскиз Т.А. Елагиной
к неосуществленной постановке
оперы Б. Бриттена «Сон в летнюю ночь» (1968).

Нешумова Т.

Н 59 Счастливая твоя внука. – М.: АРГО-РИСК, Книж-
ное обозрение, 2010. – 56 с.
ISBN 978-5-86856-198-6

В третью книгу стихотворений московского поэта
Татьяны Нешумовой вошли стихи 2005–2009 гг.
Вместе с первыми книгами – «Нептица» (1997) и
«Простейшее» (2004) – они образуют своеобразную
трилогию.

© Т. Нешумова, 2010.

© Т. Елагина (наследники). Рисунок, 2010.

© И. Бернштейн. Оформление, 2010.

© Е. Лямина, 2010.

Автор этой книги¹, как правило, не пишет длинно, иногда и вовсе укладываясь в одиночный катрен или двестишье. Не сочиняет этот автор и т.н. «программных текстов», т.е. не высказывается ни о поэзии, ни о себе в ней сколько-нибудь прямо. Почти полное отсутствие декларативности в сочетании с малым числом стихотворений, преданных тиснению за десять с лишним лет², делают всякое более или менее публичное высказывание о лирике Т.Н. весьма непростым. Можно, конечно, пойти в обход и написать, например,

о мастерском, но всегда как бы приглушенном,
отведенном на второй план владении поэтической
формой (упомяну хотя бы венек сонетов под скромным
названием «Гербарий» из «Простейшего»),

о чувствительности к семантическому ореолу
метра,

вообще о разнообразном, в том числе профес-
сионально филологическом, переживании русской
поэзии как XX, так и XIX века,

о любви к изданиям, где образчики этой поэзии
увидели свет впервые,

об инвариантах и их аллюзионном фоне,
а также о многом другом –

¹ И еще двух: «Нептица» (1997) и «Простейшее» (2004).

² В «Нептице» их 53, в «Простейшем» – 39, в этом сборнике – посчитайте сами.

но этого я, наперекор любви к разборам, делать не стану. Ограничусь формулировкой: *безжалостная хрупкость*. В случае Т.Н. она касается и поэтики как таковой, и поэтики соположения себя – миру. Поясню единственным примером. Одуванчик, разом теряющий пушинки, – предсказуемый символ эфемерности. Менее предсказуем поэтический текст о том, как миг этой потери сплавляет краткость с протяженностью. И совсем нельзя предугадать, что в таком тексте резкая (авто)ирония, ощутимая на всех уровнях,

от лексики: «чик – и нету, дурачок», «горемычный старичок»

до метра: хорей – размер энергичный, а строчки сделаны длинными и сверхдлинными, от четырех до восьми стоп

и совмещения реминисценций, осознанно оксюморонного (из собственного давнишнего стихотворения: «Качели старые скрипят, как будто бы мычат коровы...» – и, одновременно, из «Чертových качелей» Сологуба («И лбом о землю трах. / Качай же, черт, качели, / Всё выше, выше... ах!») и «Двенадцати»: «Трах-тах-тах! / И только эхо / Откликается в домах...»)),

сольется в прозрачный аккорд с обнаженным, в наши дни почти невозможным *Ich-Erzählung*, словами о любви и гибели от первого лица.

Предугадать всего этого никак нельзя. Вот потому-то перед нами – стихи.

Е. Л.

«Варежка»

Мурзику

За гвоздик петелька задела
и теперь собачки больше нет.
Ну а мне до гвоздиков нет дела.
У меня за много-много лет
появилось сладкая привычка
петельки из воздуха плести
и мою воздушную собачку
никому уже не распустить.

2005

Чок-чок

Кто сидит здесь, в этом книжном зале,
с ноутбуком серебристым и в очках?
Это Шумчик, жизнь проведший без печали,
не заметив, как остался в дурачках.

На Солянке горбятся пригорки,
сентябрю покорны, сентябрю.
Шелестят журнальные подборки –
норки, норки, равные нулю.

Почему он так поверил в буквы,
полюбив чернилами марасть
белый лист, рисуя эти крюквы,
думая, что им не умирать.

Проскользнуть в бумажное бессмертье
он решил, наивный дурачок,
забывая из своих потерь те,
что не попадали на клочок

клетчатого рыжего блокнота
с перепонками – немножко маньячок
этот Шумчик, ищущий чего-то
в старой книжке, будущий чок-чок.

2005

Из Рильке

Дом замер перед утренней звездой,
последней в исчезающей ночи.
В нем каждое окно полно покоя,
и утра ожидает, и молчит.

И отблески грядущего в лице
стоящего в уснувшем саде дома.
И чуда, что пока что незнакомо,
тень на крыльце.

2005

Sub caelo

1

Кусочек дня, в котором алфавит
не нужен, потому что тучи,
брутальные, как фильмы Бертолуччи,
рассеялись, и небо говорит.

2

Со мною небо говорит,
горит и обещает чуда.
Горит и пламенем зари
сюда обращено – оттуда.

3

Буду лежать и смотреть на кусочки небес.
Радость и грусть шевелить кандалами словес.

2006

На коврике, калачиком свернувшись,
слегка озябнув, но вполне, вполне –
я наблюдаю, как мужчина, мучась,
не чувствует, как подойти ко мне.
Как провести рукою по запястью
до локотка и выше по хребту,
чтобы не впасть, не пасть, не заграбастать
себе такую вечную тюрьму.
Не ведает, как нужно подступиться,
не смеет и останется ни с чем,
и я лежу – не то чтобы волчица,
но и не курица, и я его не съем.

2005

Валенок

Глазюньки усталые, что ж вы не глядите?
Ноженьки бредущие, что ж вы не летите?
Жизнь моя, мой валенок без галош,
все одна ты маешься,
не найдешь
ни того, что хочется, ни того
серого, да теплого, своего.
На свету, на слепетном, на снегу
дальше мне не ходится,
не могу.

2005

Анастасия Чеботаревская

Во сне ты вымоешь окно,
расправишь крылья для полета,
рука в руке и нежный кто-то
тебя поманит вдалеке.

Во сне ты вымоешь окно,
полы и грязную посуду
и чистый-чистый твой рассудок
тебя оставит. Налегке,
на цыпочках, чтоб не проснулся
твой муж любимый много лет –
он спит, он ангел, он поэт –
ты выпорхнешь, как твой рассудок,
по спящей улице пройдешь,
и, перегнувшись за перила,
судьбу, которая хранила,
ты проведешь.

Ты убедишься: прав другой –
и ледяная рябь канала
тебя возьмет к себе домой...

Ты выступишь одна в поход –
в поход крестовый – паладином
на встречу с нежным господином,
который ждет тебя в реке.

2005

Катастрофа и чудо навстречу друг другу бредут.
Человечек очнется в своей незнакомой квартире,
словно сонный тетеря, не ведая, там или тут
он прострелен насквозь, или сам он стрелял
в этом тире.

2006

Господи, я тихо попрошу тебя,
будь со мною рядом в эти дни.
На руки десантом парашютиков
бедствия слетаются одни.

Или таковые испытания
суждены за долгий этот пост,
что не понимает мироздания
асфальтированный воздух слез.

Так темно, что мне одной не выстоять.
Так светло, что не открыть глаза.
Что-то мчится, страшное и быстрое,
птица-тройка, божия гроза.

2006

Одуванчик, Ваня, Ваня, – чик, и нету, дурачок.
Я с тобой лечу по свету, горемычный старичок.
И с тобою мне летится, словно птице в облаках.
Твой бесшумный парашютик что корабль
о парусах.

Лбом о землю, лбом о землю –
как в стишке заветном – трах!
Трах-тах-тах, тара-ра-рах!
Где коровы? Где качели? Ваня, порох, пух и прах?!!!

2006

Стихотворение на случай
больших удач,
ты уж родись скорей, не мучай,
звучи, не плачь.

А может, вправду провиденье
иль кто другой
пошлет прощенье за прегрешенья
мне, боже мой.

А может, вправду слепой с клюкою
повременит,
и ангел с бубном или трубою
сюда слетит.

Слетит, и взглянет, и приобнимет
меня крылом.
А если что-то он вдруг отымет –
отдаст потом.

2006

Закусивший губу мотылек
на остывший присел уголек...

2006

Нежной дружбы учусь шнуровать корсаж,
Улыбаюсь, смею дышать, жду,
Но во сне я вижу мир иным,
Не обреченным молчать.

2006

Я возьму тебя сегодня за руку
и в моей останется руке
ощущенье нового и старого
поднебесья хода налегке
здесь темно как в яме или проруби
а вверху окошко пустоты
мы идем или летим как голуби
раскрываем клювы или рты

здесь темно и если хочешь выколи
мне глаза ненужные теперь
или губы заberi что мыкали
горе-горькое и верные тебе
жили тихо-тихо очень тихо
замыкались как дверной засов
хороня счастливейшее лихо
в щебете не наших голосов

здесь темно и зрения не надо мне
и на ощупь двигаюсь мыча
губы и глаза вино и снадобье
память пальцев участь палача.

2006

Легче перышка сон.
Вьется, порхает он.
Но не хочет меня
вытянуть из огня.

– Что же горишь? Гори!
Думаешь? Говоришь?
Будто бы о любви
молишь?

– Нет, лишь о сне.

– Будто бы о губах
нежных.

– Нет лишь о нём.
С ним бы побыть вдвоем
Наедине.

2006

Песенка

Как артерия и вена –
наши веточки в метро.
То, что в них проникновенно, –
и прозрачно, и старо.

То, что в них проникновенно, –
прикровенно, но чуть-чуть.
Пересадочка мгновенна,
только очень долгод путь.

Этот путь прекрасно долгод
и мучительно далек
через поле недомолвок
в огород укрытых строк.

Как вильнувший хвост у рыбки
уплывает, поглощен –
то подобие улыбки
у того, кто так смущен.

2006

Среди бумажных стопочек и стопок,
Где выдох-вдох бессилён и торопок,
Блаженные в бесснежном декабре,
Поверим разве, что и мы умре.

Запоминай прилежно, мой товарищ
По счастью среди дымов и пожариц,
Шершавые на пальцах бугорки,
Лучинки глаз без приступов тоски.
На острове, где океан повсюду,
Переставляя старую посуду
И наливая в чашку кипятков,
Побудь со мной во сне ещё чуток.

Отойди от беды, убеги.
Подойди ко мне ближе на шаг.
На полшага. На четверть. Beginnen.
Beginnen. С чего нам beginnen?
Нет, с чего вдруг beginnen опять
начинать эту жизнь сочинять?
А вот всё же попробуй, побудь
в этой точке, где двойня двоится,
берега берегут, береги
этот день, этот миг, эти лица,
подойди, ты же знаешь, не слиться –
так чего же дрожать как страница
на ветру, словно мальчик Живаго
на тебя поглядел, загадал:
если бог существует – замри.
Существует. Теперь отомри.
Встань сюда и туда посмотри.

2006

День назывался «синица в руке».
Передвигались в нем буквы и строчки.
Мы не одни здесь на этом клочочке,
Не налегке.

Вместо моих ожиданий смешных,
Вместо твоих побежденных мечтаний
Трудное слово заклинило стих:
«Тени латаний».

Нет здесь эмалевых стен голубых.
Здесь голубеет небо.
Трудное слово, немножко под дых.
Журавлиное небо.

2006

Живая жизнь и казнь живая
рифмуются, перебивая:

«нет, казнь»

«нет, жизнь»

«нет, казнь»

«нет, жизнь»

«нет, казнь».

Рифмуются

«вчера» – и «никогда».

Рифмуются

«вчера» – и «навсегда».

И человек

от боли

шагнуть не смеет в этом поле рифм,

как в минном поле.

2007

О старичке-мужчине
я думаю теперь.
Нажму в дверной звончок,
и он откроет дверь.
Немного насторожен
и не заморожен,
и в целом невозможен
и странен, и смешон.
А я сама? Я тоже
как будто и не я.
Диван-корабль-ложе –
а может быть ладья?
Куда я уплываю?
От горестного «тут»
туда, где забываю
себя и как зовут
такую неволчицу,
не птицу, не щенка
не девочку, не тетю,
а странного зверька
без прелестей, без штучек,
без прошлого и дум,
того, что было Шумчик,
а станет просто шум.

2007

Человек обглоданная косточка,
но способен к самозарождению.
Я лежу – на самом деле дурочка?
Добровольно? Не по принуждению?
Облака уходят на подмогу
в те миры, где люди смотрят в небо.
Что ж и мне пора уже в дорогу.
Как узнаешь – был тут или не был,
этот остров?
Самопоглощением
занято пространство обольщения.
Добровольцем,
отдающим флешу
не врагу – а тем, кто подбирает,
отдаю все это – забирайте:
надо отдых побродившим пальцам,
мне пора тихонечко выныривать,
забывать дорогу-пересадочку.
До свиданья, родимые мои братцы,
до свиданья, тенор-тенорок.
Мне пора в дорогу понемногу
собраться – путь мой одинокий.
Мне пора тихонечко выныривать,
закрывать тихонечко замки.
Эту дорогу – как стекло из рамы –
я бережно и осторожно навсегда
скоро выну из сердца.

Мне скоро пора уходить.
У этого принца одни падишахи.
У этой принцессы одни черепахи.
И эта собака одна.

2007

Эти молочные реки и эти кисельные берега
Ты для меня оставила, бабушка-вьюга.
В голубые твои веки, в белые облака
Я уплываю, счастливая твоя внука.
Вместе со мною, не понимая, как
Это всё совершается в мире угрюмых болей
Плывет кое-кто, чей один башмак
Нам еще виден отсюда, а другой уже соскользнул
в молочную реку-море.

2007

Шерстяное нечто

1

земля бутылочных оттенков
коричневые камыши
и на мурашечных коленках
какие-то карамыши
шершавым кашемиром шкурки
душа грибов не шелестит
и бескорыстный на прогулке
счастлив сегодня инвалид

2

если что конечно
если что непрочно
шерстяное нечто
шерстяное вот что

2007

Кто видел как воспрям от сна
душа меняет оболочку
и кокон ангельский непрочный
мизинцем пробует весна

и тот не вспомнит как жена
на снег равнение держала
в снегу что в облаке лежала
и восхищенья не снесла

2007

Тихо-тихо читая молитвы,
осыпается берег любви.

После битвы
и после ловитвы
как тихи берега твои.

После битвы и после ловитвы
в небесах возникает покой.

Птица видит, как солнце садится.
Боль поет в ее сердце, и птица
улетает домой.

2007

Анонимная
благодарность,

благородная
анонимность,

антиблагодатная
интимность,

аморальная
благостность.

2008

В Переделкино день то серый, то голубой.
Пятый год хожу к тебе в дом и никак не встречусь
с тобой.

Ни во сне не встречусь, ни наяву,
Ем твои яблоки и просто так живу.

Сяду за стол у окна. Рильке переведу.
Люди придут – по дому их проведу.

Шмель залетит, грудную клетку раздует снегирь.
Птахи блаженны и сраму не имут,
ибо не пишут стихи.

2008

У математика
думы какие?
Психосоматика,
шизофрения.

У арифметика
тоньше душа:
перипатетика
как хороша!

Лишь азбуковник
стоит, как святой –
грустный полковник
один под фатой.

2008

Набегает волна безумия
и на цыпочках прочь
оставляет гладкие камушки
ракушки
и всякую бестолочь
и на солнце морское сокровище
раз два три и меняет цвет
а ему бы нырнуть с головушкой
в ту волну что бежит вослед

2008

Иосиф, Иосиф, ты где?
Куда подевался? Был и исчез.
Где ты, чудесный?
Ослик едет один по пескам, по камням,
налево глядит и направо –
все на месте,
а ты – не в сарае ли темном?
не прикорнул ли за верстаком?
Нет, пустота.
Ни на базаре, ни в синагоге,
нигде тебя нет.

Седина никому так не шла,
и в зеленых глазах не бывало
ни у кого столько сокровищ,
столько любви потаенной.
Вижу тебя – вопреки слову,
вопреки темноте,
вопреки наступившей своей слепоте,
вечно вижу тебя,
вечно слышу как ты молчишь,
даже стоя на месте – все время иду за тобой,
за тобой, за тобой – за тобою.

Слышишь или не слышишь, Иосиф?

2008

Ване

Я хочу быть этим столом, где твоя рука.
Я хочу быть п, я хочу быть m, я хочу быть k.
А вот чем заплатить за это, мой нежный друг?
Когда есть у нас только 6 частей и 15 штук.
Да еще 15. А вместе нам ровно 100.
40 помножить на 8 будет НИЧТО.
Но у нас есть эти 30 штук, эти 6 частей.
Вот и числят на небе нас как своих людей.

2008

Эстонские картинки

черника

Черных бусин блеск жесткокрыло спрятав
темносветлым швом, равнодушной стражей,
слепо лес молчит, но всегда в оружие
воинство хвои.

маленький шторм

Встанешь утром и удивишься гулу:
скрип ли это иль непонятный голос
молит, точно кто понарошку хмурит
белые брови.

2008

В потолочной области затылка
гулкий металлический совок
крынка кринка азбука бутылка
по лесу летящий мотылёк

а в височной области нехватка
пульса пульса пальцы пустоты
тапочки тарелочки прихватка...
Мнемозина-Зина, это ты?

8 сентября 2008

Завтра будет осень
темень солнце семь
да ведь я не очень
буду завтра точен
буду завтра весь
буду завтра есмь

2008

в симметричный орнамент узбекской халвы
забредает убитый горем боец
он не умеет держать удар
когда глядит на него в упор
узколищый бес
обрезающий нить любви

2008

Некоторые снежинки летят вверх

Некоторые снежинки летят вверх.
Некоторые морщинки летят вверх.
Некоторые словечки летят вверх.
Некоторые овечки летят вверх.
И человечки летят вверх.
Некоторые слова устремляются в небеса.
И белесые эти горе-небеса
с затылка сползают земле на глаза.

2009

человек живущий очень тихо
говорящий себе по-испански вальехо
у черепахи черепа нет – только пахи
и чулпанхаматову путающий с молоком

утром наливает в кружку из бата кофе
литтл кофе – а за окном – глядите-ка облака
днем принимает лифт в библиотеке
как живут они эти женщины в библиотеке
как они принимают утром свой литтл кофе
и ванну на ночь разведенную с молоком

у него нога отваливается конкретно
или фаршируется как купата вечерним чаем
морская черепаха по однородному солнечному
дну моря

ползет-плывет как хорошо ей
черепа нет
и ноги всегда навесу

2009

...или...

Э. Фромм

...и я подумал: жизнь моя...

В. Ходасевич

Черепаша с панцирем крутым
Говорит: зачем тебе именье?
Бытия достаточно двоим,
Бытия достаточно и пенья.

Знаю, знаю этого шитья
Я узор квадратный и крестцовый,
Но тупа иголочка моя,
Вышивальщик я не образцовый.

2009

Я замедленного действия –
мина или человек?
Капитан несоответствия
щек и век.

Если хочешь я потрогаю
за сосочек поплавка.
У меня 4 действия
и рука.

2009

Ars poetica

Уж лучше молча чай попить
и сахар помешать,
чем эдаким Макаром быть,
таких телят гонять
на этом горестном лугу,
то в жертву принося
живую руку, то ногу –
а иначе нельзя.

2009

Липа-пила

...гуськом, в затылок...

БП

Прошептала мне липа: «Вдова я, вдова,
Муж без вести погиб на войне.
Для чего мне теперь голова-рукава
И босою стоять на траве?»

Куст жасмина сказал мне: «Старик я, старик!
Руку-ногу отрежь мне, отрежь!
Для чего этот новый зеленый парик?
Пусть сияет усталая плешь!»

Я босою стояла с пилою в руке
И хотела им, бедным, помочь.
Горемыке-вдове, старику в парике –
Чтобы навзничь, в затылок, точь-в-точь.

2009

сердце мое скакало по лесу
перепрыгивало коряги и сучья
стуч-
стуч-
стуч-
и вот я – вот я – вот я
дрозд
клевст
хлест
хлест
лист
лист
слепоро́жденный слепорождённый

лишь бы не знать
лишь бы не знать
лишь бы не знать

тут как тут
тут как тут
тут как тут

2009

Так моложавы эти баклажаны,
танцует с шалью нежная кинза,
и лук щемящ, целующий глаза...

Неопытные милые невежды!

Иди сюда, пусть будет все как прежде:
слеза, гроза и пистолет надежды
пусть выстрелит в пустые небеса!

2009

Каждой своей потере
Я говорю: тере¹
Ставлю тире и точку
Рядом ставлю заплатку
Каждой твоей болячке
Я подберу примочку
Выслушаю заплачку
Заговорю ранку
И превращу в птичку
Сушку или баранку

2009

¹ по-эстонски: здравствуй!

Кому из нас была нужна
вода немокрая, сухая,
из теплого ночного рая,
из зала страшного суда?

Кому, кому она была нужна?

А вот лежала,
саму себя запеленав
во одеяло.

Что в бедных луночках любви ее творилось –
не надо знать,
а надо сдать
себя на милость.

На милости дневного сна,
на милость павших,
военнопленная душа всех пострадавших,
одна на всех,
одна на всех, как одеяло,
как ткань тумана, как беда, как покрывало.

Кто остывал и снова мёрз,
был мерзок, резок,
кого так любит дед мороз
коньками резать

на дольки беглые любви,
на их остатки,
на корочки,
коростыли
и на заплатки.

Военнопленный
голубок,
военностранный,
летит-порхает-семенит
к ней из тумана,
к дюймовочке
дневного сна,
к любви полпреду,
на поле ржи,
на поле лжи
французов, шведов,

где, говорят, так сладко спать,
беды отведав.

2009

Плюс-к-вам-перфект пришел
и к вам, и к нам,
рабы немые совершенства.
Не рыбы мы – рабы,
но заповедь блаженства –
как рыба на песке –
и вам, и нам.

2009

Содержание

«Варежка»	5
Чок-чок	6
Из Рильке	7
Sub caelo	8
1. Кусочек дня, в котором алфавит...	
2. Со мною небо говорит...	
3. Буду лежать и смотреть на кусочки небес...	
На коврике, калачиком свернувшись...	9
Валенок	10
Анастасия Чеботаревская	11
Катастрофа и чудо	
навстречу друг другу бредут...	12
Господи, я тихо попрошу тебя...	13
Одуванчик, Ваня, Ваня, – чик, и нету,	
дурачок...	14
Стихотворение на случай...	15
Закусивший губу мотылек...	16
Нежной дружбы учусь шнуровать корсаж...	16
Я возьму тебя сегодня за руку...	17
Легче перышка сон...	18
Песенка	19
Среди бумажных стопочек и стопок.....	20
Запоминай прилежно, мой товарищ...	20
Отойди от беды, убегии...	21
День назывался «синица в руке»...	22
Живая жизнь и казнь живая...	23
О старичке-мужчине...	24

Татьяна Нешумова
Счастливая твоя внука

Подписано в печать 11.02.2010.

Формат 70×90/32.

Бумага офсетная.

Гарнитура CharterC.

Печать офсетная.

ISBN 978-5-86856-198-6

Эти молочные реки и эти кисельные берега
Ты для меня оставила, бабушка-вьюга.
В голубые твои веки, в белые облака
Я уплываю, счастливая твоя внука.
Вместе со мною, не понимая, как
Это всё совершается в мире угрюмых болей
Плывет кое-кто, чей один башмак
Нам еще виден отсюда, а другой уже соскользнул
в молочную реку-море.